

6 КРУГОЗОР 68

Николай ТИХОНОВ

О чем, в сущности говоря, писал Маяковский? Какие чувства одевал он гремящей одеждой стихов?

Силу, мужественность пролетарской революции, справедливость нового, небывалого на земле строя, готовность к борьбе за мировую революцию, преданность и верность великому флагу Октября:

Где б ни умер,
умру — поя.
В какой трущобе ни лягу,
знаю — достоин лежать я
с легшими под красным
флагом.

Абсолютна искренность поэта, доброта нового человека на земле. Если Гоголь когда-то писал про Пушкина, что Пушкин — это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет, то про Маяковского можно сказать, что он был настоящим гражданином будущего мирового социалистического общества, оставаясь в то же время русским характером. Он глубоко чувствовал, как его родина из «снеговой уродины» превращается в передовое государство мира. Как русский поэт, он ясно представлял себе развитие русской поэзии и нес полную ответственность за свое участие в этом историческом процессе.

Маяковский является первым поэтом нашего времени, первым поэтом мирового пролетариата, так как он, оставаясь русским поэтом, сильнее всех других поэтов сумел рассказать миру о пролетарской

Мир огромишь

К 75-летию
В. В. Маяковского.

революции и первом пролетарском государстве, сумел свой стих перенести далеко за пределы Советского Союза. Голос его стал слышен во всех углах мира.

Николай УШАКОВ

Слушатель
затих вольнолюбивый,
свыше всякой нормы зал
набит:

сам —
тридцатилетний и красивый —
Маяковский
с нами
говорит.

1924 год. Киевское бывшее Купеческое собрание. Тогда Пролетарский дом искусств. Сейчас филармония.

Вечер Маяковского. Толпа у входа. Стронники и отрицатели, зеваны и знатоки. Среди последних — мы, уже напечатавшие по десятку стихотворений. Конечно, без билета. Разумеется — как пройти? Тут и происходит первое знакомство.

Нас проводит сам Маяковский. По какой-то боковой лестнице. Мовет, не с главной входа. Маяковский рассаживает нас прямо на эстраде, у своих ног. Читает «Левый марш», «Приказ № 2 по армии искусств», «Хорошее отношение к лошадям», «Прозаседавшие», свое «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».

Надо еще и еще раз сказать об удивительной чистоте Маяковского. Он доносил смысл, останавливаясь на каждой ступеньке своей строки.

Такое расчленение строки — естественные ноты теще. Обязательно остановившись на важном для поэта и прочтешь так, как читал он.

...20-е годы перевалили через половину. И вот уже настоящее знакомство. Москва, Лубянский проезд, комната Маяковского и редакция журнала «Новый лев». Ог-

ранды. Он радостен и полон тревоги: поэма кончена, удалась ли? Подходит к каждому из нас. Спрашивает каждого независимо от его поэтического возраста или критического стажа: «Ну как? Что скажете?»

...И уже 1930 год. 14-го апреля. Поезд Киев — Москва. Слабенькие листочки по обеим сторонам железнодорожного полотна. Нежин, Бахмач, Конотоп. Сейм разлился. Над Сеймом журавли. Летят и просятся в реквием.

Торф затопило.
И мы над ним.
Стало нас меньше как будто
одним.

Воздух без края,
Разлив без границ.
Где же наш
самый
громкий горнист?
Здесь он волил
свой серебряный полк.
Здесь он гремел
и здесь умолк...

АРАГОН

Это было осенью 1928 года в одном из монпарнасских кафе. Вдруг кто-то окликнул меня. «Поэт Владимир Маяковский просит Вас сесть за его столик...»

Мощью Голоса

ромный письменный стол и диван. Мебель и вещи великана. Маяковский — редактор. Я предлагаю стихи. Читает. Одобрил. Стихи идут в «Новом леве». Напечатаны в мартовской тетради 1927 года.

Летом на даче в Пушкино, где Маяковский запросто беседовал с солнцем, слушаем октябрьскую поэму «Хорошо!». Потом прохаживаемся по саду. Играем в городки. Маяковский спускается с ве-

Минута, изменившая мою жизнь. Поэт, который сумел очутиться на гребне революционной волны, этот поэт оказался связью между миром и мною. Это первое звено цепи, которую я приемлю и показываю сегодня.

Некоторые философы учили меня отрицать мир. Поэт Владимир Маяковский научил меня, что надо обращаться к миллионам людей, к тем, которые хотят переделать этот мир.

СЛОВО КОМСОМОЛУ

Михаил СВЕТЛОВ

Всегда старики брюзжат: «Эх, в наше время...» Позвольте же и мне сказать: «Эх, в наше время!» В наше время на любимую смотрели, как на мировую революцию; ты самая желанная! А сколько я сейчас знаю случаев, когда любимый смотрит на любимую, как на революцию местного значения!

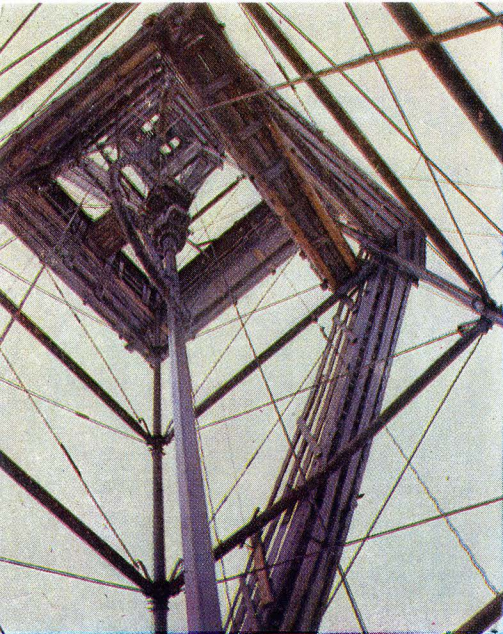
Не правда ли, что многие Ромео и Джульетты стали обывателями?

Не сдавайся, комсомолец! Если благородство перестанет быть твоим знаменем, ты перестанешь быть комсомолом. Если Ленин — чистейший человек на свете — перестанет быть твоим зеркалом, от твоего зеркала останутся только осколки. Относись к борьбе, к идеям, к самопожертвованию, к любви, к женщине так, чтобы самые изысканные английские джентльмены почувствовали себя рядом с тобой самыми обыкновенными дворняжками.

Я очень люблю комсомол. Если я даже, допустим, достигну возраста Джамбула, я все равно буду участвовать в комсомольских кроссах и не добуду первенства только потому, что все время буду наступать на свою длинную седую бороду.

Ленинград двадцать шестого года! Я был секретарем комсомольской газеты «Смена». Секретарь! Не учитесь у меня образцово-рабочей работе. Вы не заслужите благодарности читателя. И все равно, я любил. Неумеючи, угловато, с пятые на десятое, но я любил. Я любил эти свежие гранки, в которых что-то сообщали комсомольцам. Любил развешенную на стендах газету, в создании которой я принимал какое-то участие. Любил мировцев, которых раньше называли путилловцами. Любил белые ночи, любил красное знамя, под которым погибло там много моих товарищей, и над этим знаменем светило солнце. И лучше бы погасло солнце, чем померкло мое знамя...

Из архива писателя

Профиль молодого современника.

Я привез из Тюмени снимок. Не очень, может быть, профессиональный, но дорогой для меня. Вдалеке — размытый силуэт буровой. А на переднем плане — парень в брезентовой робе. Сложил ладони корабликом, и сочится сквозь пальцы черными струйками нефть.

Парня зовут Заки. Это я хорошо помню. Свел нас случай на таежном перепутье. Вышло горючее, и наш вездеход застрял. Пришлось хватать ведро и топтать на поклон к бурильщикам. И тут-то Заки, наверное, в шутку, но вполне серьезным голосом предложил:

— На что вам бензин? Могу нацедить нефти. Прямо из скважины.

...Это бывает так: геофизики, геологи, бурильщики, сейсмологи уютножат тайгу, прощупывают дно рек, сверлят до мезозойских пластов, пока в купол неба не ударит радужный фонтан. Словно торжествующий рог протрубил! И уже знает тайга таинственные слова — Сургут, Шайм, Мегион — имена будущих городов.

левски щедр: «На наш век в Тюмени хватит фонтанов!»

Григорий Острый — кандидат геолого-минералогических наук, начальник сектора запасов «ЗапсибНИТИ», неугомонный спорщик. Фантазия его обращена внутрь планеты. Как у всякого ершистого человека, у него очень много друзей и немало врагов. Но это тот случай, когда враги становятся друзьями. Зато друзья врагами — никогда.

Герман Телятников — взрывник Сургутской экспедиции. Долговязый книгоеч. Однажды на таежном аэродроме его спросил журналист:

— «Шагреновую кожу» читаете? Ну и как герой? Нравится?

— Слабак, — отмахнулся Герман. — На что извел могущество! Мне бы!..

— Зачем?

— Мало ли... Найти средство от рака, синтезировать белок, открыть месторождение с запасом на три миллиона лет вперед...

Фарман Салманов возглавляет в Горно-Правдинске экспедицию —

МЫ — КОРОЛИ!

Поэт возвел их в королевский сан: «Мы — короли, и это наше королевство...» Возвышенно? Да! Земные дела закономерно преломлены в призме поэзии, ибо во все времена поэзия сопутствует героике.

Короли без мантий, они владеют богатым королевством. Хозяева своих сокровищ, они тридцать лет пробивались к тюменскому газу, к тюменской нефти. Фантазеры, они в конце концов подтвердили, что и фантазия двигает прогресс. То, что раньше называли чистой фантазией, ныне прочно стоит на земле: Усть-Балык, Нефтеюганск, Сосинка... Это газ, нефть и снова газ. Три, семь, десять месторождений в год. Фонтан за фонтаном, фонтан за фонтаном — многоцветные салюты пятилетки.

Вот они, хозяева подземных сокровищниц.

Юрий Георгиевич Эрвье — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, властитель тюменской геологии. Он нетерпелив: «Шесть миллионов метров скважин за пятилетку! Прикните: это дырка к центру Земли!» Он по-коро-

одну из крупнейших в крае. Он почетный гражданин Горно-Правдинска. И еще многих городов. Во всех тех местах Салманов первым выходил на нефть. Где он вбивал колышки, вырастают города.

Когда я покидал Нефтеюганск, председатель совета секретарей партийных организаций этого города Леопольд Петрович Колупаев, смущаясь, сунул мне в ладонь сложный вчетверо листок из тетради:

— Будешь писать о нас, может, придется...

На листке были четкие, дважды подчеркнутые строчки: «Могущество российского будет прирастать Сибирью. М. В. Ломоносов». Тебе не кажется, что это о нас?»

Б. ВЕРЧЕНКО

Фото А. Лидова.

Тюмень — Сургут —
Нефтеюганск.

*Песня-рассказ Яна Френкеля
«А самолеты сами не летают» —
на первой звуковой странице.*

Иракий АНДРОНИКОВ

Можно ли заговорить о русской народной песне и не вспомнить о «Тройках»? Нет, «Тройку», как говорится, не обойдешь, не объедешь. Помните «Мертвые души»? «Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы и сидит черт знает на чем; а привстал да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колессах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход! И вот она понеслась, понеслась, понеслась!.. Не так ли и ты, Русь, что бойная необгонимая тройка несешься?»

В наш век автомашин, летательных аппаратов, обгоняющих скорость звука, космических ракет тройка уже никого не удивит быстротой. А вот песни про тройку по-прежнему удивляют. И радуют. И заставляют задумываться. А иногда погрузить... Что ж. Это свойство поэзии истинной — она не стареет. Потому что в песнях о тройке и о судьбе ямщика вылился русский национальный характер, явилась душа народа, весь жар, весь размет его чувств. И в чьем сердце не откликнутся эти песни? Недаром, по слову Пушкина:

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика,
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Впрочем, надо еще уловиться, о каких песнях мы говорим. Песен о тройках в русском песенном обиходе более сотни. И в этом нет ничего удивительного. На тройках Россия ездил много веков. И ямщики пели. И песни их запали в души. И рассказывали ямщики в песнях о бездомной жизни своей и о горемычной своей судьбе. И проезжали на тройках молодые красавцы, и девушки глядели им вслед. Одного тройка мчала домой, к любимой. Другого уносила на чужбину. Но интересно, что самые знаменитые песни о тройках родились одна за другой на протяжении каких-нибудь двадцати лет. И сочинили слова этих песен русские поэты — и знаменитые и незнаменитые.

Первая прогремевшая «Тройка» относится ко временам Пушкина: «Вот мчится тройка удалая вдоль по дороге столбовой». Слова принадлежат

ТРОЙКА

РУССКАЯ

известному поэту-декабристу Федору Глинке и были напечатаны в 1831 году в альманахе «Венера». Видно, тогда же запели и песню. Потому что через три года в ответ ей возникла другая «Тройка», которая так даже и была озаглавлена: «Еще тройка». Она начинается словами: «Тройка мчится, тройка скачет, вьется пыль из-под копыт...» Эту написал друг Пушкина, очень известный в ту пору поэт Петр Андреевич Вяземский.

Кто положил на музыку эти стихотворения, мы не знаем. Сочинили неизвестные нам любители, подбирая мотив под собственный аккомпанемент на гитаре или, может быть, подыгрывая на фортепианах. И пошли песни по всей России без имен композиторов и поэтов. И запелись — на почтовых трактах, в селах, в чиновничьих квартирах, на студенческих вечеринках, в военном кругу... И стали песни народными. Кое в чем слова поэтов в песенном обиходе подверглись изменениям, иные строфы отпали. В тексте Вяземского от напечатанного осталось совсем немного.

В 1840 году появилось стихотворение «Гремит звонок, и тройка мчится...» Подпись под ним стояла загадочная: «Н. Анордист». И напечатано оно в загадочной книжке «Альманах Н. Анордиста». Кто такой Анордист, выяснить пока не удается. А песня очень известная. В ней поведано, как ямщик пел о той, которая приворожила его и хоть и любит, сведет в могилу. И песня была:

...его не стало,
Девуца бедная в тоске,
Она безвременно увяла,
Грустя по бедном ямщике...

На эту «Тройку» последовал ответ. Анордисту отвечал другой безвестный поэт — Григорий Малышев. Свое стихотворение он начал той же строкой, заменив одно только слово; вместо «Гремит звонок, и тройка мчится» — у него «Звенит звонок, и тройка мчится...»

Песня на слова Анордиста грустная. Малышев пишет о мгновенном радостном. Пятнадцать лет не был дома молодой воин, и неожиданно входит, неузнанный, в круг родных, и открывает себя.

Книжечка стихотворений Малышева появилась в 1848 году. Профессиональным поэтом он не был. Солдатский сын, он и сам служил в армии, а потом состоял регентом при петербургской певческой капелле. Коль скоро он был музыкантом, то, надо думать, сам сочинил и мотив.

Около этого времени — в 1846 году — написал свою «Тройку» Николай Алексеевич Некрасов. Стихотворение, обращенное к юной крестьянской девушке, побывавшей за тройкой корнета, он превратил в предсказание ее будущей трагически-беспросветной судьбы. И, говоря о несбыточности ее мечтаний, вызывал у читателей чувства горечи, негодования и сочувствия к ее доле.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой во след не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши.

Возникшее из поэтической традиции, породившее столько песен о тройках, некрасовское стихотворение и само стало народной песней. И хоть нет уже ни той жизни, ни той женской доли, ни троек, ни проезжих корнетов, песня живет и звучит над миром, как сказано у Гоголя, вьется около сердца.

Слушайте седьмую и восьмую звуковые страницы.

МНЕ ДОВЕРЯЮТ!

*...Мне доверяют
все в моей стране.
Как в хорошем,
честном доме,
в котором все
добыто трудом.
И если мне доверяют
самому
разбираться в делах
этого дома,
самому
устраиваться в нем,
самому украшать,
самому
заводить дружбу —
значит,
это мой дом.
Дом,
построенный
на доверии...
Такова суть ответов
молодых
на вопросы
«Кругозора».*

Фото
М. Савина.

Профиль молодого современника.

**КАКОЙ ВАЖНЫЙ ШАГ В СВОЕЙ
ЖИЗНИ ВЫ МОЖЕТЕ НАЗВАТЬ
САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ?**

— С первой полочки принес маме букет цветов. Володя Русских, 17 лет, фрезеровщик.

— Если я что-либо делаю, — значит, я за это отвечаю. Сергей Шкель, 21 год, слесарь.

— В 1964 году меня приняли в комсомол. Это был важный шаг в моей жизни. Главное — он был самостоятельным. Валентина Захарова, 18 лет, чертежница.

— Пошел заниматься боксом. Сейчас у меня первый разряд. Михаил Малышенков, 16 лет, слесарь.

— Вышла замуж. Галина Левенгоф, 20 лет, контролер ОТК.

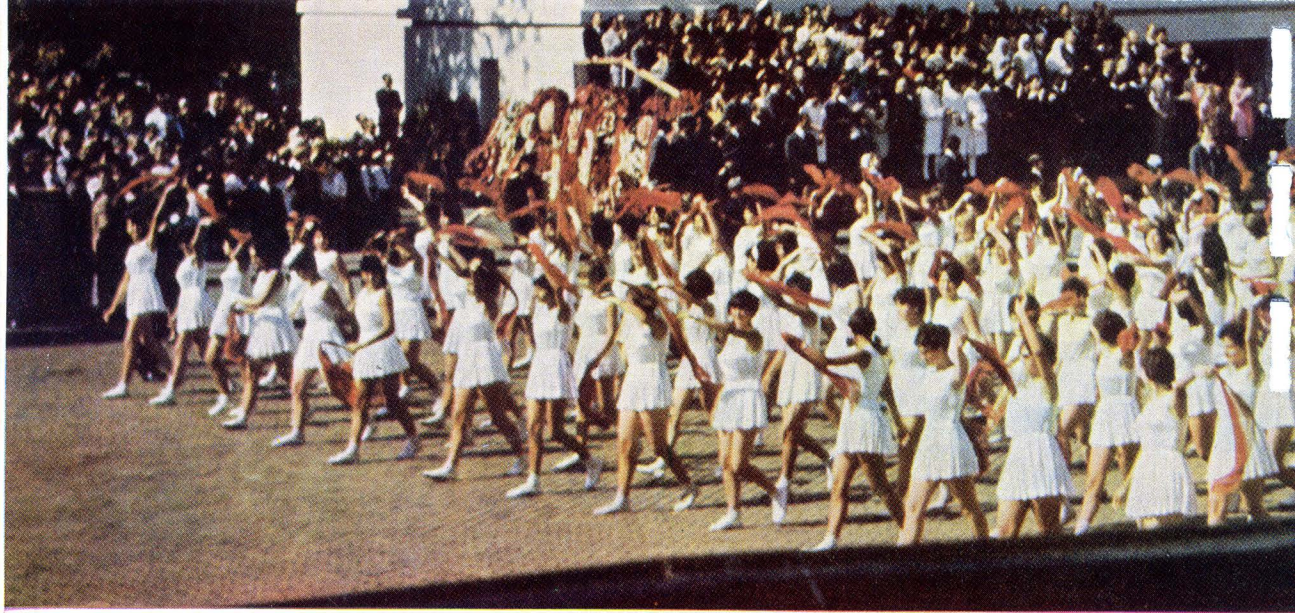
— Все — прямо или косвенно — подсказано родителями. Елена Тер-Газарян, 20 лет, студентка.

— Пошел на работу в 15 лет. Отец был против, но я его убедил. Хотелось скорее быть взрослым. Валерий Лознев, 27 лет, слесарь.

— Самым важным шагом в смысле самостоятельности считаю возможность подойти к девчонке, которую любишь. Ованес Асатрян, 24 года, шахтер.

— Бесит, что некоторые мои ровесники шлят после уроков или работы без увлечений, без интересов. Вступил в комсомольский оперативный отряд. Организуем вместе клуб «Прометей» — походы, диспуты, выставки. Борис Чунарев, 17 лет, электромонтер.

— В двадцать девять лет, имея двух детей, поступил в институт. Это, как вы можете понять, не первый самостоятельный шаг, но самый трудный. Владимир Горелов, 30 лет, электромонтер.

Маленькая земля, разнообразная земля. Древняя земля, старая, как само Время. По легенде, при сотворении мира, при раздаче небесных даров затерявшаяся в горах Болгария была забыта. Над ней вытряхнули почти пустые мешки. Так наша земля получила всего понемногу: равнины и крутые горы, реки и бесплодный камень, хлеб и табак, вино и розы...

На каждом шагу в этой земле можно найти мраморную плитку с изображением фракийского богавсадника, греческую амфору со смутными очертаниями девичьей фигуры, еще сохранившую аромат густого южного вина, короткий римский меч, праболгарскую стрелу, мирные орудия труда или посуду с наивной гребенной орнаментикой...

На десять дней эта земля станет землей Всемирного фестиваля мо-

добре дошли,
другари!

Андрей ГЕРМАНОВ,
болгарский поэт.

Фото В. Хоменко

лодежи и студентов. В Софии, под величественным и призрачно голубоватым массивом Витоши с белыми снегами на вершинах, возникает городок внутри города — фестиваль-ный. Тридцать тысяч молодых новоселов во время споров, концертов, поездок будут узнавать свою десятидневную родину.

Перед ними новая страна со стремительно изменяющимся пейзажем: с округлыми горами, с белыми заводами, с селами, которые превращаются в города, со вспаханной землей безграничных полей — вся Болгария в строительных лесах и виноградниках, вся в росте, в цветении, в полете. Безграничные поля не просто эпитет. Поля без границ, без межей. Межи уничтожил социализм. Болгария выбрала его сама. Социализм и дружба с Советским Союзом спасли нашу страну.

ДОВОЛЬНЫ ВЫ ТЕМ, КАК ВАС ВОСПИТАЛИ И ПОДГОТОВИЛИ К ЖИЗНИ? В ЧЕМ ВЫ СТРЕМИТЕСЬ САМОУСОВЕРШЕНСТВОВАТЬСЯ?

— К сожалению, воспитание шло в розовом свете. К жизненной реальности подготовлен плохо: в школе не усложняли, ни о чем не предупреждали. Вот и натыкаешься на острые углы.

Меня больше, чем учеба, интересует область человеческих взаимоотношений. Я с удовольствием включился в общественную жизнь шахты, возглавляю «Комсомольский прожектор». Школа жизни, пожалуй, самая серьезная школа. Условий для ее познания хоть отбавляй. Алексей Зоря, 20 лет, шахтер.

— Мой идеал — человек сильный духовно и физически... Звучит банально, но таким я его вижу. Армен Газарян, 19 лет, студент.

— Маме спасибо — кто может больше сделать для человека... Чего не хватает? Пожалуй, упорства. Галина Левенгоф.

— Тем, как меня подготовили к жизни, я не очень доволен. Например, когда я вижу на улице маленькую девочку со скрипкой, у меня обязательно мелькнет мысль: почему меня в детстве не научили музыке? Не обязательно быть великим музыкантом, но хотя бы уметь держать инструмент в руках. Можно научиться и в более зрелом возрасте, но ведь сейчас держишь в руках другой инструмент. Ованес Асатрян.

— Немного избалован. Один сын в семье. Сила воли уже не та, что должна быть. В армию из-за того и хочу, чтобы самовоспитаться. Михаил Малышенков.

Если вы поедете на фестиваль, побывайте всюду. У болгарина нет секретов от гостей. Отдохните в уютных домах Копривштицы или Арбанаси, попробуйте белый болгарский хлеб, желтую сливовицу, прохладные веселящие вина, вдохните аромат болгарской розы. Потрепите по холке ишака с классическим профилем, ушами зайца и задумчивыми глазами смиренного мудреца. Не забудьте отведать и горького болгарского перца. Болгарин без него не садится за стол. Неискушенный же краснеет, у него мучительно чешутся уши. Но без этого вкуса представление о болгарском характере будет неполным.

Все запомните.

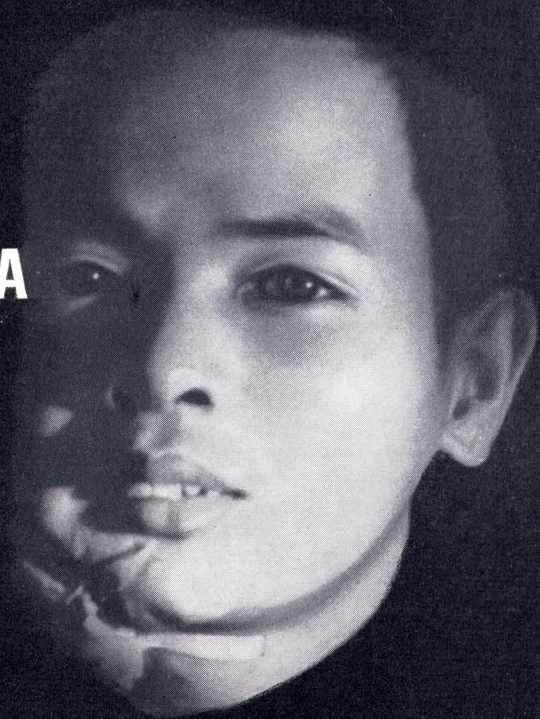
Все потом расскажите. Ибо эти дни не повторяются.

С о ф и я.

Слушайте
девятую и десятую
звуковые страницы.

КИМ ФЫОНГ-ТОВАРИЩ С ЮГА

Профиль молодого современника.

Он прикуривал от зажигалки, сделанной из гильзы. Руки в запястье тонкие, пальцы желты от сигарет.

Он попал в Ханой с Юга, почти от Сайгона. Деятого июля прошлого года во время атаки на американскую военную базу его ранило.

Товарищ с Юга рассказывает:

— После того, как снаряды стали ложиться ближе, я решил, что на позициях должны остаться только те, кто непосредственно владеет оружием. Я поднялся из окопа, чтобы передать приказ. Но тут разорвалась шрапнель. Я успел броситься на землю, и это меня спасло. Осколок повредил челюсть, а другой — руку. Я позвал медицинского брата. Он был очень молод и только с помощью взрослых смог наложить мне повязку, но кровь все текла. Ночью, когда все стихло, товарищи унесли меня в джунгли. Потом американцы начали новую операцию, медпункт был обстрелян, и меня переправили в глубь освобожденного района. Там я лежал три месяца. Раны затянулись, но оборудование, чтобы сростить сломанные кости, в госпитале не было. Тогда руководство провинции послало меня на Север.

Я был слаб, и товарищи несли меня на носилках. День мы шли, день отдыхали. И так — пять месяцев, пока не добрались до Ханоя. Здесь мне сделали операцию. Теперь предстоит вторая...

Во время рассказа он прикрывал глаза рукою, выворачивая кисть ладонью наружу. Так делает ребенок, если ночью во время сна внезапно осветить его лицо.

Говорит медленно:

— Меня зовут Ким Фьонг, я родился в 1941 году в уезде Там Ки, провинции Куанг Нам. Мой отец рано умер, и мать осталась с четырьмя детьми. Мой старший брат участвовал в первой войне Сопротивления — против французских колонизаторов и погиб в южной части Вьетнама. Мой младший брат убит во время боев в провинции Куанг Нгай. Мою сестру, которой только-только исполнилось семнадцать, тоже убили американцы. В доме остались моя мать, жена и ребенок. 25 июля враги ворвались в нашу деревню. Они арестовали моих близких, и я до сих пор не знаю, что с ними. В деревне все дома сожжены.

Моя семья всегда жила в нищете, и я не имел возможности учиться. Когда же в Южном Вьетнаме утвердилась клика Нго Динь Дьема, власти заставили мою мать посещать школу «разоблачения коммуни-

стов». Каждый вечер, в одиннадцать часов в «школе» зажигалась большая свеча. Пятнадцать минут, пока она горела, все должны были стоять, глядя на свет. Это называлось — «воспоминания о своих преступлениях». Старые люди падали от слабости. Тогда охрана избивала их.

В октябре 1961 года, в сезон дождей, в деревню пришли бойцы армии НФОУВ, чтобы разъяснить населению политику Национального фронта. Вечером, когда вооруженные пропагандисты возвращались в джунгли, восемь юношей, в том числе и я, пошли вместе с ними, чтобы бить американских аггрессоров, марионеточные власти и освободить Южный Вьетнам.

Несколько дней мы жили в партизанском лагере, учились владеть оружием. Потом создали в деревне комитет по освобождению и вооруженный отряд. Я стал командиром партизанской группы. Мы превратили деревню в крепость, закрыли все дороги и проложили тропинки, о которых знали только свои. Траншеи шли от одного двора до другого, от дома к дому, от дерева к дереву.

Только через месяц против нас предприняли первую операцию. Враг — батальон солдат, вооруженных минометами, стрелковым оружием. Нас восемь человек и семь винтовок. Вечером враг бежал.

До шестьдесят четвертого года я оставался в деревне. Мы укрепили свой отряд и помогли освободиться соседней деревне, но потом мне предложили работу в уездном партизанском центре. Я возглавлял группу вооруженной пропаганды и много раз ходил в тыл врага, добираясь до самого Сайгона. Мы создавали революционные базы, уничтожали бандитов и сайгонских наемников. В одном из таких рейдов я потерял брата. А потом это последнее сражение...

...Мы сидели молча. Проезжающие машины чертили фарами осциллограммы на стенах комнаты. Ему было тяжело говорить, но он, видимо, не хотел оставаться наедине с нахлынувшими воспоминаниями.

— Это произошло ночью в июле 1966 года. Вечером уходили в глубокий тыл врага. Трое товарищей были вооружены винтовками, а у меня был револьвер. Мы шли по песку вдоль морского берега...

С. ЗИНИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Фото автора
Ханой — Москва

На второй звуковой странице журнала товарищ Ким Фьонг продолжает рассказ о своей боевой жизни.

Профиль молодого
современника

дирижерские дали

5

Кажется, название этого ресторана — «Берег моря». Что-то в этом роде. Во всяком случае, было и море, был и курортный городок Пярну, был и вечер, была и музыка... босса-нова. Тогда еще неизвестная, не вступившая в состязание с популярными песнями.

Центр босса-новы обозначался совершенно четко. Ударник. Он мягко раздавал пассы. Мол-де, играйте, забавляйтесь, коллеги, но помните: главное в босса-нове — ритм... Спрашиваю: «Кто этот ударник?» Собеседник улыбается: «Эри Клас из Таллина. Способный парень! Но у него какая-то всеядность, какой-то множественный разговор с музыкой. Все-то он может, все-то умеет».

Через год смотрю по телевидению таллинскую эстрадную программу. Четверо молодых людей круто поворачиваются на высоких табуретах. Перед ними музыкальные инструменты, они играют и поют одновременно. А за ударной установкой — Эри Клас.

Вскоре меня с Эри познакомили. Выяснилась несколько неожиданная вещь. Ударник и певец джаза хочет стать дирижером, причем дирижером симфоническим. Прошло два года. И успел Эри Клас за это время играть на литаврах в оркестре симфоническом, дирижировать оркестром джазовым, окончить училище как дирижер-хоровик, а Таллинскую консерваторию — как педагог, еще он пел в экспериментальном хоре и дирижировал им. Поставил с выпускниками консерватории «Вестсайдскую историю» Бернштейна.

Тогда же я его спросил, не считает ли он, что его разнообразные музыкальные интересы есть, в сущности, пусть небольшое, но разбрасывание себя? Он на секунду задумался, а потом произнес решительно: «Нет. Современная музыка состоит из такого беско-

нечного числа компонентов, причем тесно связанных, что обойти их, если хочешь стать настоящим музыкантом, просто невозможно. И потом я общаюсь с музыкантами, работающими в самых разнообразных жанрах. Среди них есть подлинные энтузиасты».

«Всеядность» Эри меня уже не смущала. Человек молодой, энергичный, торопится жить. И вот летит из Таллина весть: Эри Клас стал дирижером симфоническим и оперным... Я, конечно, в таланте Класа не сомневался, но уж больно быстрое превращение.

Приезжаю в Таллин. И приглашает меня Клас на генеральную репетицию трех балетов в театре «Эстония». С первых же тактов «Чудесного мандарина» Бартока стало ясно, что Эри Клас чувствует эту фантастическую по сложности партитуру так, будто написал ее сам. Пожалуй, это высший комплимент, который можно сделать музыканту-исполнителю. Затем после антракта он вновь становится за пульту, и гайдновская симфония, под которую идет балет «Вариации Барокко», звучит удивительно свободно, красиво, без академических предрассудков. И вот что примечательно: свобода музицирования Класа сродни джазовой. Разумеется, в рамках точного ощущения стиля Гайдна.

Да, Клас стал дирижером великолепным, богом данным, как говорится. И есть главное в его дирижерской работе: он и его деятельность — стимул, стимул очень активный для молодых эстонских композиторов. Большая часть программ в концертах Класа состоит из современных эстонских произведений. Происходит процесс, так сказать, взаимного обогащения. С одной стороны, эстонские авторы знают, что среди них есть интерпретатор смелый, бескомпромиссный, готовый сделать максимум того, на что способен. Если только написана действительно настоящая музыка. С другой стороны, общаясь беспрерывно с произведениями новыми, Клас растет.

Весь его «множественный разговор» с музыкой все джазовые метания — логичный и продуманный подход в дирижерские дали. И остается только поздравить таких талантливых и ярких авторов как, например, Яана Рялтса, Арво Пярта, Кулдара Синка, с тем, что их произведения дирижирует Эри Клас.

Анатолий АГАМИРОВ

Таллин — Москва

Фото Н. Рахманова и Н. Чернова

Профиль молодого современника.

ХОЧЕТСЯ ЛИ ВАМ СКОРЕЕ ПЕРЕШАГНУТЬ ЧЕРТУ ПОНЯТИЯ «МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК»? В ЧЕМ ПРЕИМУЩЕСТВА ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА?

— Сейчас критичнее оцениваешь свои возможности. И в то же время все чаще возникает сожаление — сколько уже позади! Александр Никитин, 25 лет, шахтер.

— Нет, не хочется. Постареть мы всегда успеем. Армен Газарян.

— Перешагнуть эту черту хочется уже тогда, когда начинаешь мыслить и понимать. Преимущество взрослого человека в том, что у него есть люди, о которых может заботиться. Ованес Асатрян.

— Первое: не совсем хочется. Второе: жизнь становится более осмысленной, целенаправленной. Карен Бахшиян, 19 лет, студент.

— Когда завод осваивал новый станок, я только пришел из училища. Нужно было сделать кожух. Я попросил мастера, чтобы мне поручили. Он тогда сказал что-то в смысле «молодо-зелено». И я тогда решил: «Вырасту и докажу». А теперь? 27 лет — это уже возраст. Недоверия нет. Валерий Лознев.

— Было бюро комсомольское, обсуждали мою кандидатуру на секретаря. Сказали, что молод еще. А я в этом году заканчиваю 11-й класс вечерней школы. Так ребята решили помочь. Дело не в возрасте, правда? Владимир Русских.

— Все придет своим чередом. Я уже шесть лет работаю, на всех станках переработал. Мне доверяют. Сергей Шкель.

— Мы из активных, действующих в жизни поколений — самое молодое. Все мои товарищи — честные ребята, с верой. Только хочется, чтобы не просто хороших, а активно-хороших, боевых еще больше было. Борис Чунарев.

Борис УКАЧИН

свети!

Эту ночь я проспал
высоко в облаках.
Мое ложе — гора.
Грудь мою переполнили
ветры тайги до утра.
До утра шелестела трава о себе
и деревья рассказывали о себе,
о звериных делах и о птичьих
делах.
До утра сказки сказывались,
до утра,
Эту сказку нигде никогда
не слыхала еще детвора.
Где-то рядом мой конь
до утра хрумкал травы свои.
И уздечка его
мне отделкой напомнила
спинку змеи.
Выли волки в округе,
но я беспечно заснул,
Потому что великие горы
не снимали всю ночь караул.
Никогда я так долго не спал
и так сладко не спал.
Никогда таким легким себя я не
знал,
таким бодрим не знал.
Голубой парус неба
раздулся во всю широту.
Я прошелся, размялся,
позвонки ломая хребту.
Подо мною внизу,
далеко-далеко от меня,
Юным небом умылись
молоденькие зеленя.
По логам и оврагам,
а их без числа на Алтае,
Пробирались бесцельные реки
Алтая,
шумя и болтая,
Шумным стадом спускались,
синели, как вены.
В этот миг возросли мои силы
внезапно, необыкновенно.
Захотелось мне так рассмеяться,
расхохотаться,
Чтоб гора за горою начнулись
и стали шататься.
До конца в ликованье
я бы стоял на своем,
Чтобы горные реки ввысь
брызнули
светлым дождем.

Даже солнце, зерна счастья
посеявшее для меня,
Показалось мне птицей,
очень маленькой, слепленной
из огня.
И словами поэта я крикнул ему
что есть силы:
— Бейся, красное сердце мое,
свети, огнево светило!

Перевод с алтайского
Бориса Слуцкого.

Леонид ЛАПЦУЙ

вышки буровые

Тучи как гуси на волнах.
Хлещет ветрище плетью.
С утра по-над Обью вольной
Туманы запахли нефтью.
Я ехал по тундре летней,
Ветрами не поделенной,
Увидел черные ленты
На тундровой шкуре зеленой.
Оставили их не боги —
Геологов славное племя:
Жгли тундру людские ноги.
А вслед им спешило время.
Чтоб время отстало не слишком,
Аргиш¹ его штел без помехи:
Геологи ставят вышки —
Труда и отваги вежи.
То скважины пядь за пядью
вонзаются в грудь Ямала.
Кинжальной рукоятью
Каждая вышка стала!
...Мой дед не поверил мне бы,
Такого вовек не бывало:
Рванулась из скважин в небо
Вулканом душа Ямала.
Достаточно искорки малой —
Сквозь сумрак холодный и белый

¹ Аргиш — санный поезд, кото-
рый везут олени.

Взметнется душа Ямала
Ревущего пламени телом!
Заря. Красногрудые тучи.
Но если б и солнце не встало,
Узнал бы по вышкам могучим
Московское время — Утро Ямала!

Перевод с ненецкого
Лидии Гладкой.

Петр ВЕГИН

сиреневая ночь

Сиречь, по стихам удареня
проставив,
чернильной помаркой на старый
Тифлис.
упала — и день проскользнул и
растаял,
как пахнувший полем велосипедист,

и солнцу в велосипедные спицы
корявую палку вставила ночь...
Не спится. И с красными клювами
птицы,
как авиапочта, уносятся прочь.

Тбилиси. Сирень. Два талантливых
брата,
застольные речи красней, чем
костер.
Бесшумно, как грек, пронося
контрабанду,
сирень перепрыгнула через забор.

Сирень хулиганит. Сирень
захотела
меня доконать, прежде чем
доцвести:
раскрыла окно, распахнула
портьеры
и скомкала ночь в пятипалой
горсти!

Сирень, перестань! — разбудила
Тбилиси,
к нам в окна стучит почталон
восковой,
и вся его тысяча утренних писем
забрызгана синей твоею росой...

Борис ОЛЕЙНИК

● На покое коровы вздыхают —
 а ж больно!
 Дядьна мой — седой, светлолицый.
 По двадцатому веку скрипучей
 арбою
 Я везу его в город, в больницу.
 Поясницу ему обжигает и ломит.
 Он же знай шелестит губами:
 — Ты давай через лес, чтобы
 меньше знакомых.
 Неудобно — лежу, как барин.
 Мне понятна наивная эта
 неловкость,
 И тревога его оправдана:
 Он впервые вот так вот —
 не правит лошадью,
 А лежит на дерюге праздно.
 И поэтому весь он обидно дышит,
 И бросает в простор отчаянно:
 — Это ж можно свихнуться,
 тудить его в дышло, —
 Целый день без работы качаться!
 Прикрывая глаза, напоенные
 болью,
 Похваляется дядьна назавтра,
 Что теперь он хоть книжек
 начитается вволю —
 О любви и о космонавтах...
 Ковыляет арба по брусчатке
 райцентра,
 Пропуская авто норректно.
 И стоит у дороги забытая
 церковь —
 Неудачным макетом ракеты.
 Он лежит на арбе, как святой
 из Почаева,
 Не имеющий только «жития»...
 — Ты ж подумай, каким надо
 быть отчаянным,
 чтобы сесть в ракету решиться?!
 Так он мыслит, измученный и
 натруженный,
 Солнцем, зноем и хлебом
 пропахший...
 Я не знаю, кому нужно больше
 мужества:
 Космонавту или землепашцу?

Перевод с украинского
 Н. Котенко.

Рисунки В. Сухомлинова.

Мир, организованный звук

Ему двадцать четыре года, и он аспирант Московской консерватории. Физик. Открытое, очень симпатичное лицо у Сергея Никитина.

— Еще в МГУ я искал область физики, которая бы соприкасалась с музыкой. В семье был младшим. У меня две сестры. Их буквально мучили музыкой. Я был тогда еще маленьким и помню, как они ненавидели эти занятия. Я остался музыкально необразованным, но красивые, организованные звуки начали окружать меня еще тогда и продолжают теснить сегодня...

Так вот почему он искал соприкосновения мира вдохновения с миром холодной науки! Да нет, это ради красивого слова, физика — наука совсем не холодная. Это академическая физика — она действительно холодноватая, но опять-таки

в той же мере, в какой холодновато вообще все академическое. Там все так отшлифовано умами, что сверкает бриллиантом.

Но вулкан человеческой мысли работает. Потоки магмы плавят края спокойных наук. И эти науки объединяются в неожиданные конгломераты. К примеру: музыка и математика. Точная наука вторгается в область эстетики. И вдруг получается интереснейшая из вспышек! Точная наука ищет объяснения процесса организации в прекрасное хаоса звуков.

Разве это неинтересно?

Сергей Никитин изучает органы слуха с физической точки зрения. Здесь вам и анатомия, и биология, и акустика — и рукой подать до искусства! Рукой подать до изучения механизма восприятия звуков совершенных, созданных человеческим вдохновением. Рукой подать до выяснения того, как и почему влияет музыка на биохимические процессы в живых клетках.

Сергей Никитин — ученый и композитор. Ну, композитор — это, может быть, слишком громко и не совсем точно, а вот то, что он «русский ашуг», — это почти неопровержимо. Он может сочинить и воспроизвести, то есть то, что умеют делать ашуги. А вот записать он пока не может. Не научился. Но, думаем, научится.

Первую песню свою он сочинил на слова однокашника по университету Сергея Крылова. «Песня о маленьком трубаче» пришлась по вкусу студенческой молодежи. Это вдохновило и поэта и композитора на дальнейшие поиски.

Скреп науки с искусством в данном случае нам кажется по-настоящему многообещающим. Мы вправе ожидать от Сергея Никитина чего-то нового, интересного, того, что пока еще скрыто от взора.

Виктор ГОНЧАРОВ

А. ПРОХАНОВ

Рисунок автора.

оловодье. Псел уносил сахарные льды. Луга покрывались синим плесканием. Шуки играли, выкидывая на солнце икру. Ревели на фермах коровы. Родился на соломе красный теленок. А они входили в избу, важные, светлые, будто каждая несла в руках тихий огонь, и он жил, колыхался в их голубых глазах. Усаживались, оправляли юбки.

«Даниловна, с которой начнем?» «А с которой хошь, Тимофеевна». «Ну, «Ветры-ветерочки» тогда».

Тихо-тихо в избе. Заливает всех с головой серебром последних снегов. Анна Пронякина вздохнула, и дрожащий голос зардел одиноко посреди избы. Анна Моторыкина колыхнула янтарем на высокой груди, голос ее взлетел над первым, подхватил на крыло. Анна Кошелева опустила медленно веки, и под ними загорались далекой зеленью молодые поля ее юности; и она, запев, полетела в широту тех полей и вернулась молодой и красивой, точно накинута ей на плечи белый в розах платок. Две сестры Бирюковы, Татьяна с Надеждой, качнули на руках синеоких младенцев, и будто ударил из недр чистый и светлый ключ. Изба в серебре, пять женщин поют, их жизни витают над ними, все беды и боли бьются в звонкие стекла, все счастье и сладость — в пятах живой зари. Все убитые, милые — рядом. Все старики — за широким столом, румяные дети — на высоких печках. И шиповник расцвел над чьей-то глухой могилой.

Кончило. Стихло. За окном розовеет сосулька. Петух с алым гребнем стоит на крыльце...

Все они живут на одном конце большого курского села Плехово, все чем-то похожи, как похожи люди, прожившие бок о бок долгие годы. И если над всеми прошумела война, и крыши трещали в огне, и соседа уводили враги за талый овраг, и ухали оттуда гулко выстрелы; если подымали своими руками из горького праха эти белые дома, эти фермы, этот клуб, сад на горе, то морщины у старых женщин одинаково глубоки, а глаза у молодых нет-нет да и дрогнут густой задумчивой синью. Их пять, и они подруги, хотя старшей восьмой десяток, а младшей еще двадцать восемь. Если теплынь, если вечер тих, они любят сидеть вместе, глядя, как идет по домам усталые трактористы, неся на своих плечах груз перепаханных ярких полей.

«Как детки, Надежда?» «Как внуки, Даниловна?» «И-и-их, как хоровод-то водили! Рожки:

ПЕСНИ

«Ти-ру-ру! Ти-ру-ру!» «А опять приходил завклубом. Петь в Уланок поедем. Запевай, Тимофеевна!»

И песня течет над селом к молодым теплым звездам. Слушают ее люди, вышедшие посидеть у ворот. Путник, спешащий в село. Молодая учительница, склоненная над тетрадками. Слушают ее птицы в полях, лисы в оврагах. Сад дышит звездами.

Плехово, Курская обл.

ПЛЕХОВСКИЕ

Песни и наигрыши на жалейке, которые вы услышите на четвертой звуковой странице «Кругозора», подлинно народные. Их не касалась рука композитора, к ним не пристали часто звучащие, привычные интонации современных песен.

Поют их в деревенской избе, сельском клубе или на поляне среди берез. Они — как часть русской природы, русского быта — существуют с давних времен. В том ладу, ритме, с тем же сопровождением, как пели их много лет назад.

слушайте

в

номере

1. Песня летит за Урал. Композитор Ян Френкель — о нефтяниках Тюмени.

2. Четыре против роты. Рассказ Кима Фьонга — бойца НФОЮВ, записанный в Ханое специальным корреспондентом «Кругозора».

3. Стихи должны перевернуть мир. Воспоминания о Маяковском Л. Брик.

4. Все это — русский язык. Песни и наигрыши села Плехово: «Жарко пахать», «Батюшка», «Ой, да и что же ты, селезюшка», «Чебатуха», «Тиюня».

5. Грани таланта. Эри Клас — певец (эстонская песня «Свадьба»), дирижер (фрагменты из кантаты «Времена года» К. Сина).

6. «Небо на свете одно». Песни Сергея Никитина на стихи советских поэтов.

7—8. Три «Тройки». Исполняют Н. Кондратюк, В. Левко, И. Скобцов и оркестр народных инструментов.

9—10. Кабачок 33½ оборота на фестивальной орбите. София, 1968.

11. Зарядка с играми и песенкой для самых маленьких. Ведет Н. Гордеев. Музыка И. Шахова. Солистка Лена Четвертушкина.

12. Джаз по-русски. Фрагмент сюиты А. Зубова «Былины-старинны» исполняет квартет «Кресчендо».

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДИЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице обложки:
Повторись в далеком освещенье, молодости нашей ошущенья!

На четвертой странице обложки фото И. Кропивницкого

Режиссер
Н. Субботин
Художник
В. Шапов
Технический редактор
Л. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.

Телефоны
редакции:
3 3-73-94, 3 3-74-59.

В 03327. Подп. к печ.
20/V 1968 г. Формат
бумаги 84×108^{1/16}.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 250 000 экз.
Зак. 564. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Собираюсь говорить о музыке, о джазе. Но, как ни странно, начну с другого, ибо мне кажется, есть законы, действенные для всех областей искусства равно! Из века в век венецианское стекло поражало воображение эстетов. Но попытки слепого следования венецианцам рождали только бледные подделки. Необходимо было, чтобы сама «душа Италии» играла в гранях. Оттого, плененный красотой цветного стекла, Ломоносов, открывший его секрет, дал этому русскому искусству иное качество.

Я говорю об этом, ибо в искусстве непреложен закон: чем художник национальнее, тем индивидуальнее его творчество. То же и в музыке.

Рожденный из негритянских духовных песнопений, джаз потребовал специальной манеры исполнения, своих инструментов. Он был национален.

Мне могут возразить: джаз ныне — явление мировой музыкальной культуры. Да. Но в тех случаях, когда музыканты других стран следовали точному чертежу американского джаза, возникали лишь бледные копии. Чтобы родилось самобытное искусство, необходимо было, чтобы привлекательные черты джаза — мобильность, динамизм, импровизационное начало — опирались на национальные традиции, поддерживались спецификой национального мышления. Так возник французский джаз, джаз чехословацкий.

У нас, с моей точки зрения, наиболее органично соединяются с джазовой манерой народные армянские, азербайджанские мелодии. Интересны опыты Эстонии, например, джазовые пьесы Найсоо на народные темы.

До последнего времени было почти узаконенным противопоставлять джазу русские народные интонации. Однако правила, как известно, существуют лишь до тех пор, пока новое качество таланта не опровергнет их. Послушайте импровизации «Господин Великий Новгород» Товмасыана, «Самарская ярмарка» Фрумкина, «Крестьянская свадьба» Лукьянова — и вы ощутите, что вы у порога явлений, не имевшего прецедента. Правда, еще у порога, за которым поиски и жажда эксперимента. И все-таки останавливайтесь вы у этого рубежа с верой в успех попытки. Ведь закон, как я сказал, непреложен: чем художник национальнее, тем он индивидуальнее.

Фото Ю. Нижниченко Андрей ЭШПАЙ

12

Полет Амаза

*...Я понял одну нехит-
рую истину. Она в том, что-
бы делать так называемые
чудеса своими руками.*

Александр Грин.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА «КРУГОЗОРА»

Цена 1 руб.